«Челкаш»

М.Горький

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков)

1868 - 1936

- Рассказ «Челкаш» благодаря помощи В. Г. Короленко в 1895 был опубликован в журнале «Русское богатство». Автор изображает контраст между веселым, циничным и беззаботным контрабандистом Челкашом и его помощником — типичным крестьянином скопидомом, трусливым и одновременно жадным.

(Библиотека КМ)

- Согласны ли вы с данным утверждением?

Потемневшее от пыли голубое южное небо - мутно; жаркое солнце смотрит в зеленоватое море, точно сквозь тонкую серую вуаль. Оно почти не отражается в воде, рассекаемой ударами весел, пароходных винтов, острыми килями турецких фелюг и других судов, бороздящих по всем направлениям тесную гавань. Закованные в гранит волны моря подавлены громадными тяжестями, скользящими по их хребтам, бьются о борта судов, о берега, бьются и ропщут, вспененные, загрязненные разным хламом.

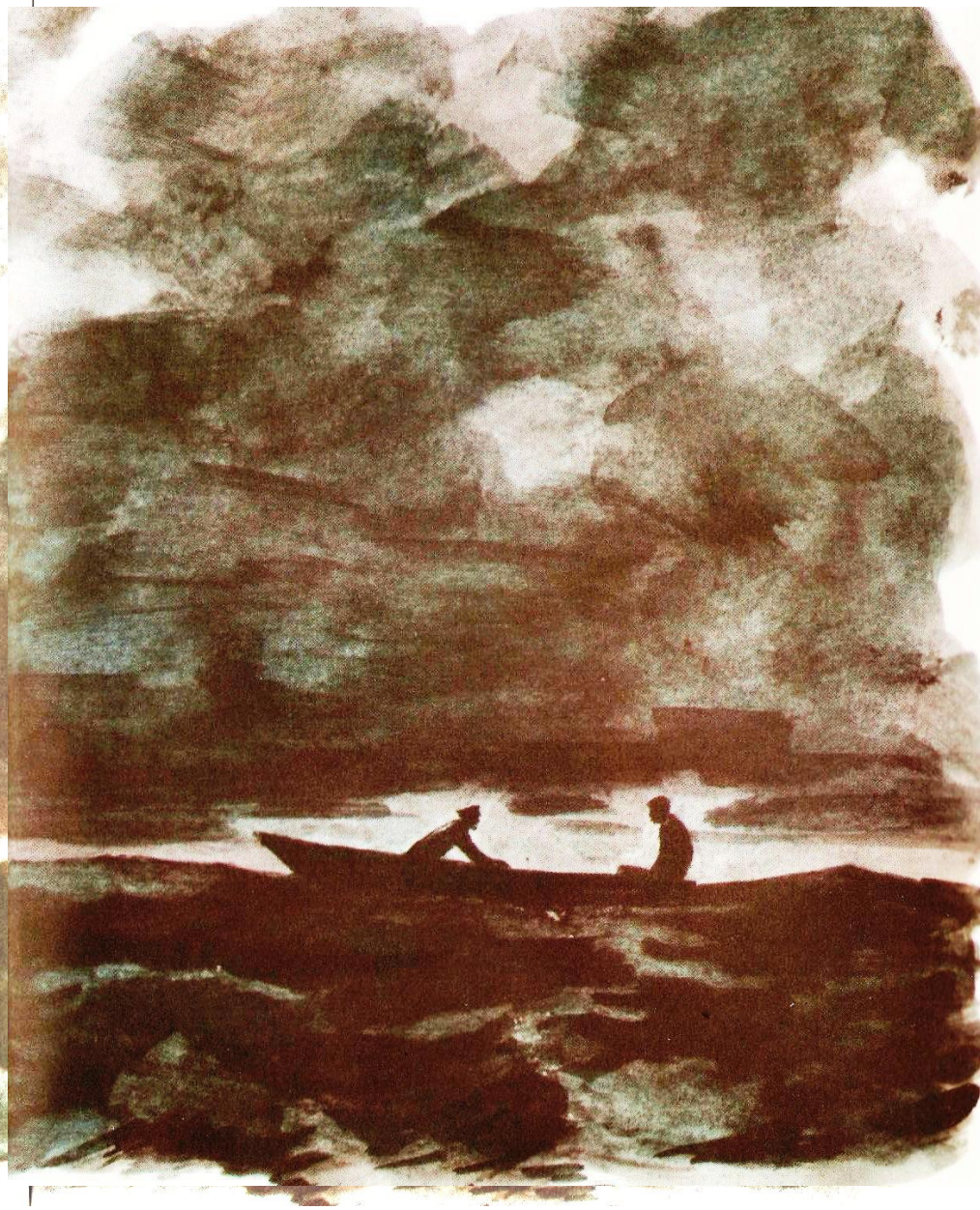
Гранит, железо, дерево, мостовая гавани, суда и люди - все дышит мощными звуками страстного гимна Меркурию.

Созданное ими поработило и обезличило их.

- С какой целью даётся описание порта?
- Какие ключевые понятия даны в экспозиции?

Пейзаж

Ночь была темная, по небу двигались толстые пласты лохматых туч, море было покойно, черно и густо, как масло. Оно дышало влажным соленым ароматом и ласково звучало, плескаясь от борта судов о берег, чуть-чуть покачивая лодку Челкаша. На далекое пространство от берега с моря подымались темные остовы судов, вонзая в небо острые мачты с разноцветными фонарями на вершинах. Море отражало огни фонарей и было усеяно массой желтых пятен. Они красиво трепетали на его бархате, мягком, матово-черном. Море спало здоровым, крепким сном работника, который сильно устал за день.



Пейзаж

…и море - бесконечное, могучее - развернулось перед ними, уходя в синюю даль, где из вод его вздымались в небо горы облаков - лилово-сизых, с желтыми пуховыми каймами по краям, зеленоватых, цвета морской воды, и тех скучных, свинцовых туч, что бросают от себя такие тоскливые, тяжелые тени. Облака ползли медленно, то сливаясь, то обгоняя друг друга, мешали свои цвета и формы, поглощая сами себя и вновь возникая в новых очертаниях, величественные и угрюмые... Что-то роковое было в этом медленном движении бездушных масс. Казалось, что там, на краю моря, их бесконечно много и они всегда будут так равнодушно всползать на небо, задавшись злой целью не позволять ему никогда больше блестеть над сонным морем миллионами своих золотых очей - разноцветных звезд, живых и мечтательно сияющих, возбуждая высокие желания в людях, которым дорог их чистый блеск.

Пейзаж

…кругом все молчало. Ни звука, кроме вздохов моря. Тучи ползли по небу так же медленно и скучно, как и раньше, но их все больше вздымалось из моря, и можно было, глядя на небо, думать, что и оно тоже море, только море взволнованное и опрокинутое над другим, сонным, покойным и гладким. Тучи походили на волны, ринувшиеся на землю вниз кудрявыми седыми хребтами, и на пропасти, из которых вырваны эти волны ветром, и на зарождавшиеся валы, еще не покрытые зеленоватой пеной бешенства и гнева.

…они снова в лодке... Над ними небо, серое, ровно затянутое тучами, и лодкой играет мутно-зеленое море, шумно подбрасывая ее на волнах, пока еще мелких, весело бросающих в борта светлые, соленые брызги. Далеко по носу лодки видна желтая полоса песчаного берега, а за кормой уходит вдаль море, изрытое стаями волн, убранных пышной белой пеной. Там же, вдали, видно много судов; далеко влево - целый лес мачт и белые груды домов города. Оттуда по морю льется глухой гул, рокочущий и вместе с плеском волн создающий хорошую, сильную музыку... И на все наброшена тонкая пелена пепельного тумана, отдаляющего предметы друг от друга...

Пейзаж

Море проснулось. Оно играло маленькими волнами, рождая их, украшая бахромой пены, сталкивая друг с другом и разбивая в мелкую пыль. Пена, тая, шипела и вздыхала, - и все кругом было заполнено музыкальным шумом и плеском. Тьма как бы стала живее.

… и море - бесконечное, могучее. Ночь становилась все темнее и молчаливей. Теперь небо уже не походило на взволнованное море - тучи расплылись по нем и покрыли его ровным тяжелым пологом, низко опустившимся над водой и неподвижным. А море стало еще спокойней, черней, сильнее пахло теплым, соленым запахом и уж не казалось таким широким, как раньше.

Пейзаж

Посыпался дождь. Сначала редкий, он быстро перешел в плотный, крупный, лившийся с неба тонкими струйками. Они сплетали целую сеть из ниток воды – сеть, сразу закрывшую собой даль степи и даль моря.

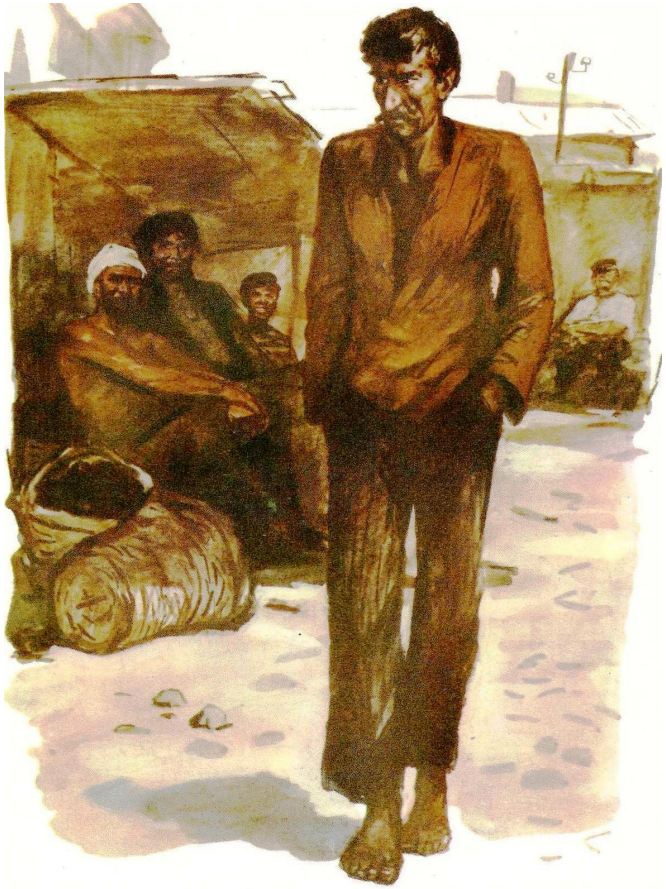
Дождь лил, как из ведра. Море глухо роптало, волны бились о берег бешено и гневно.

Море выло, швыряло большие, тяжелые волны на прибрежный песок, разбивая их в брызги и пену. Дождь ретиво сек воду и землю... ветер ревел... Все кругом наполнялось воем, ревом, гулом... За дождем не видно было ни моря, ни неба.

Пейзаж

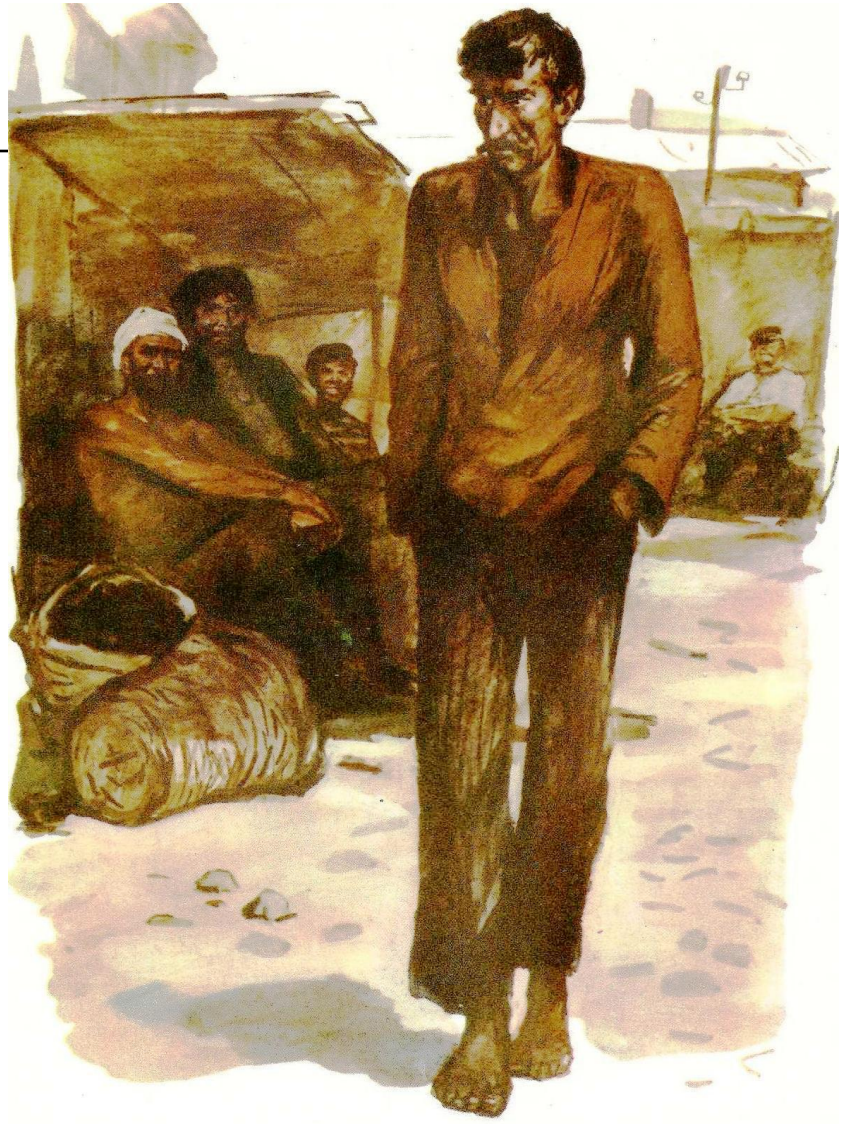
- Как меняется пейзаж в рассказе?
- Какую роль он играет в рассказе?
- Как он помогает понять состояние героев? Чем объяснить разницу в отношении к морю Челкаша и Гаврилы?
- Как он связан с авторским отношением к героям рассказа?

Челкаш и Гаврила



Портрет

…Гришка Челкаш, старый травленый волк… заядлый пьяница и ловкий, смелый вор. Он был бос, в старых, вытертых плисовых штанах, без шапки, в грязной ситцевой рубахе с разорванным воротом, открывавшим его сухие и угловатые кости, обтянутые коричневой кожей. По всклокоченным черным с проседью волосам и смятому, острому, хищному лицу было видно, что он только что проснулся… Длинный, костлявый, немного сутулый, он медленно шагал по камням и, поводя своим горбатым, хищным носом, кидал вокруг себя острые взгляды, поблескивая холодными серыми глазами и высматривая кого-то среди грузчиков. Его бурые усы, густые и длинные, то и дело вздрагивали, как у кота, а заложенные за спину руки потирали одна другую, нервно перекручиваясь длинными, кривыми и цепкими пальцами. Даже и здесь, среди сотен таких же, как он, резких босяцких фигур, он сразу обращал на себя внимание своим сходством с степным ястребом, своей хищной худобой и этой прицеливающейся походкой, плавной и покойной с виду, но внутренне возбужденной и зоркой, как лет той хищной птицы, которую он напоминал.



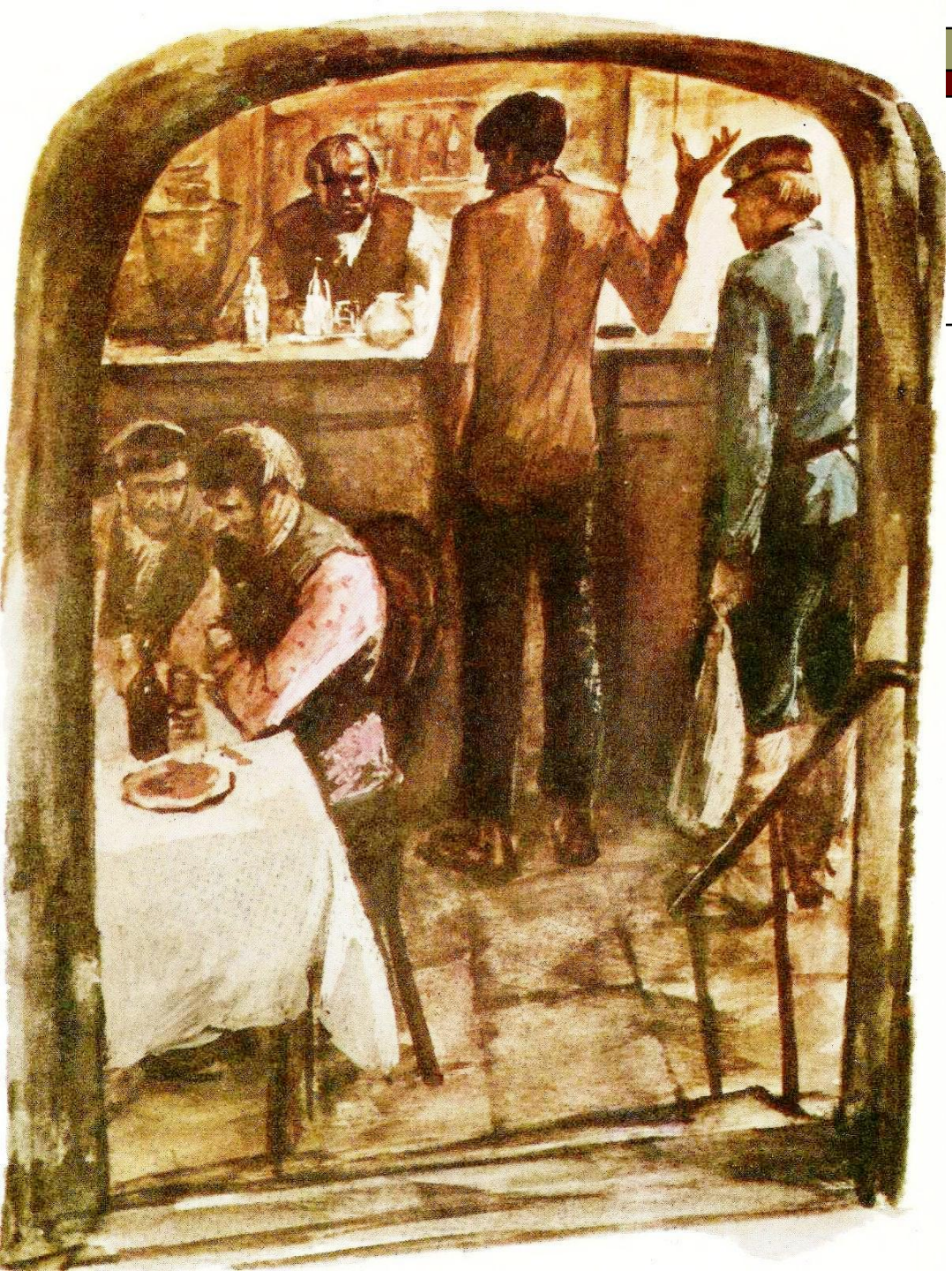
- Назовите ключевые детали портрета.

Портрет

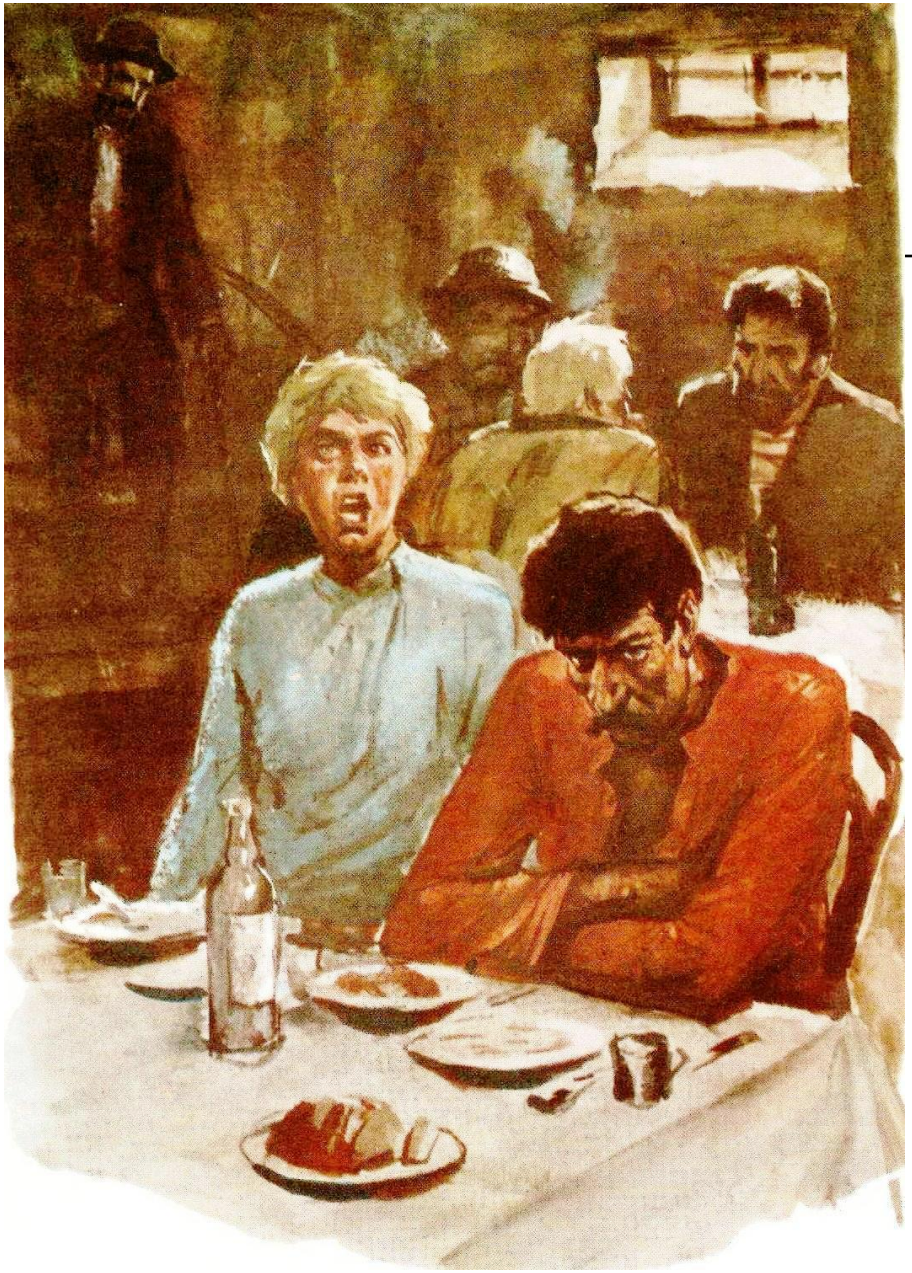
Шагах в шести от него, у тротуара, на мостовой, прислонясь спиной к тумбочке, сидел молодой парень в синей пестрядинной рубахе, в таких же штанах, в лаптях и в оборванном рыжем картузе. Около него лежала маленькая котомка и коса без черенка, обернутая в жгут из соломы, аккуратно перекрученный веревочкой. Парень был широкоплеч, коренаст, русый, с загорелым и обветренным лицом и с большими голубыми глазами, смотревшими на Челкаша доверчиво и добродушно.

- В чём противопоставлены герои?

- Каково их социальное положение?



- Как в указанных эпизодах проявляются характеры героев?



…А тот, сухой, длинный, нагнувшийся вперед и похожий на птицу, готовую лететь куда-то, смотрел во тьму вперед лодки ястребиными очами и, поводя хищным, горбатым носом, одной рукой цепко держал ручку руля, а другой теребил ус, вздрагивавший от улыбок, которые кривили его тонкие губы. Челкаш был доволен своей удачей, собой и этим парнем, так сильно запуганным им и превратившимся в его раба. Он смотрел, как старался Гаврила, и ему стало жалко, захотелось ободрить его.

Отношение к жизни и свободе

- **Каково отношение к жизни Челкаша и Гаврилы?**
- **Каковы их идеалы? Что значит для каждого из них свобода?**

- А что тебе - свобода?.. Ты разве любишь свободу?
- Да ведь как же? Сам себе хозяин, пошел - куда хошь, делай - что хошь... Еще бы! Коли сумеешь себя в порядке держать, да на шее у тебя камней нет, - первое дело! Гуляй знай, как хошь, бога только помни...
Челкаш презрительно сплюнул и отвернулся от парня.

Он кипел и вздрагивал от оскорбления, нанесенного ему этим молоденьким теленком, которого он во время разговора с ним презирал, а теперь сразу возненавидел за то, что у него такие чистые голубые глаза, здоровое загорелое лицо, короткие крепкие руки, за то, что он имеет где-то там деревню, дом в ней, за то, что его приглашает в зятья зажиточный мужик, - за всю его жизнь прошлую и будущую, а больше всего за то, что он, этот ребенок по сравнению с ним, Челкашем, смеет любить свободу, которой не знает цены и которая ему не нужна. Всегда неприятно видеть, что человек, которого ты считаешь хуже и ниже себя, любит или ненавидит то же, что и ты, и, таким образом, становится похож на тебя.

Как строятся отношения между героями? Почему?

И они пошли по улице рядом друг с другом, Челкаш - с важной миной хозяина, покручивая усы, парень - с выражением полной готовности подчиниться, но все-таки полный недоверия и боязни.

Он видел перед собою человека, жизнь которого попала в его волчьи лапы. Он, Челкаш, чувствовал себя в силе повернуть ее и так и этак. Он мог разломать ее, как игральную карту, и мог помочь ей установиться в прочные крестьянские рамки. Чувствуя себя господином другого, он думал о том, что этот парень никогда не изопьет такой чаши, какую судьба дала испить ему, Челкашу... И он завидовал и сожалел об этой молодой жизни, подсмеивался над ней и даже огорчался за нее, представляя, что она может еще раз попасть в такие руки, как его... И все чувства в конце концов слились у Челкаша в одно - нечто отеческое и хозяйственное. Малого было жалко, и малый был нужен.

…вздохнул он, сразу вспомнив деревню, убогое хозяйство, свою мать и все то далекое, родное, ради чего он ходил на работу, ради чего так измучился в эту ночь. Его охватила волна воспоминаний о своей деревеньке, сбегавшей по крутой горе вниз, к речке, скрытой в роще берез, ветел, рябин, черемухи... - Эх, важно бы!.. - грустно вздохнул он.

Гаврила глядел на него с любопытством и тоже воодушевлялся. Он во время этого разговора успел уже забыть, с кем имеет дело, и видел пред собой такого же крестьянина, как и сам он, прилепленного навеки к земле потом многих поколений, связанного с ней воспоминаниями детства, самовольно отлучившегося от нее и от забот о ней и понесшего за эту отлучку должное наказание.
- Это, брат, верно! Ах, как верно! Вот гляди-ка на себя, что ты теперь такое без земли? Землю, брат, как мать, не забудешь надолго.

- Что мы знаем о прошлом Челкаша?

Я тоже понимаю толк в этом деле. Было когда-то свое гнездо... Отец-то был из первых богатеев в селе...

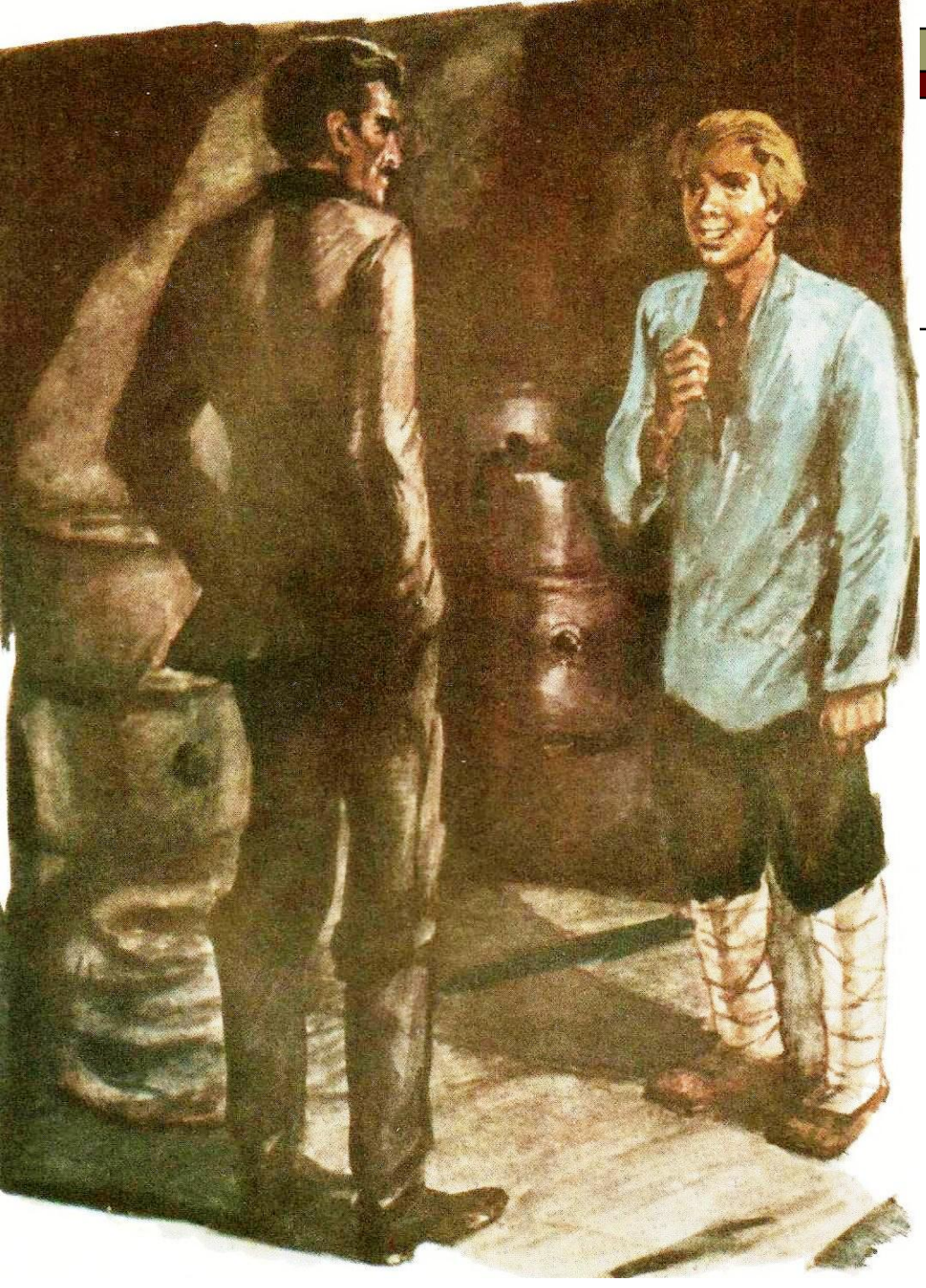
А перед Челкашем быстро неслись картины прошлого, далекого прошлого, отделенного от настоящего целой стеной из одиннадцати лет босяцкой жизни. Он успел посмотреть себя ребенком, свою деревню, свою мать, краснощекую, пухлую женщину, с добрыми серыми глазами, отца - рыжебородого гиганта с суровым лицом; видел себя женихом и видел жену, черноглазую Анфису, с длинной косой, полную, мягкую, веселую, снова себя, красавцем, гвардейским солдатом; снова отца, уже седого и согнутого работой, и мать, морщинистую, осевшую к земле; посмотрел и картину встречи его деревней, когда он возвратился со службы; видел, как гордился перед всей деревней отец своим Григорием, усатым, здоровым солдатом, ловким красавцем... Память, этот бич несчастных, оживляет даже камни прошлого и даже в яд, выпитый некогда, подливает капли меда...

Челкаш чувствовал себя овеянным примиряющей, ласковой струёй родного воздуха, донесшего с собой до его слуха и ласковые слова матери, и солидные речи истового крестьянина-отца, много забытых звуков и много сочного запаха матушки-земли, только что оттаявшей, только что вспаханной и только что покрытой изумрудным шелком озими... Он чувствовал себя одиноким, вырванным и выброшенным навсегда из того порядка жизни, в котором выработалась та кровь, что течет в его жилах.

Все хищное в его фигуре обмякло, стушеванное приниженной задумчивостью…

Двое людей мечтали, покачиваясь на воде и задумчиво поглядывая вокруг себя. Челкаш начал наводить Гаврилу на мысль о деревне, желая немного ободрить и успокоить его. Сначала он говорил, посмеиваясь себе в усы, но потом, подавая реплики собеседнику и напоминая ему о радостях крестьянской жизни, в которых сам давно разочаровался, забыл о них и вспоминал только теперь, - он постепенно увлекся и вместо того, чтобы расспрашивать парня о деревне и ее делах, незаметно для себя стал сам рассказывать ему:

- Главное в крестьянской жизни - это, брат, свобода! Хозяин ты есть сам себе. У тебя твой дом - грош ему цена - да он твой. У тебя земля своя - и того ее горсть - да она твоя! Король ты на своей земле!.. У тебя есть лицо... Ты можешь от всякого требовать уважения к тебе... Так ли? - воодушевленно закончил Челкаш.

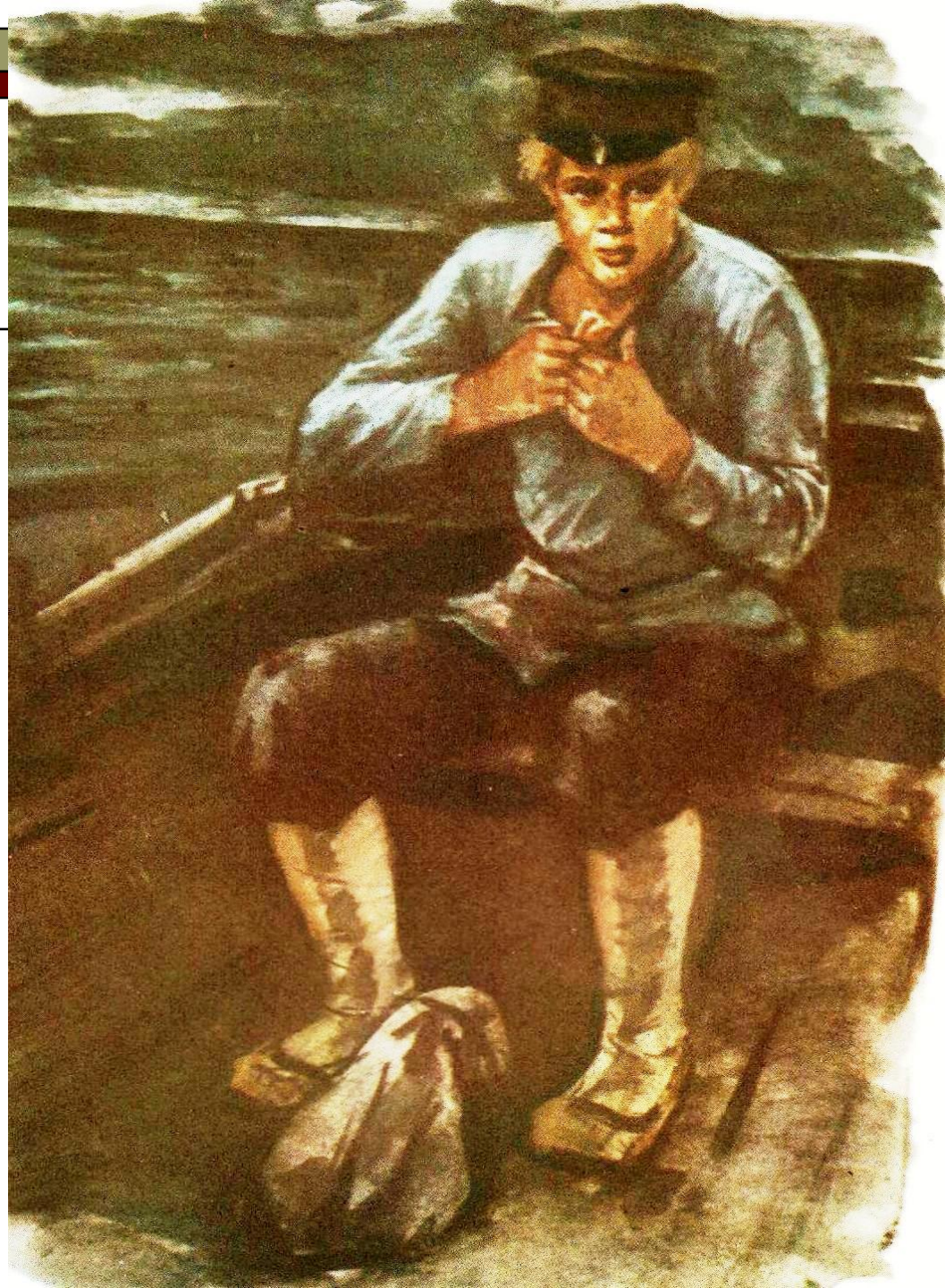


- Ну, а еще раз поехал бы? а?
- Еще?.. Да ведь это - как тебе сказать? Из-за какой корысти?.. вот что!
- Ну ежели бы две радужных?
- Два ста рублев, значит? Ничего... Это можно...
- Стой! А как душу-то загубишь?..
- Да ведь, может... и не загубишь! - улыбнулся Гаврила. - Не загубишь, а человеком на всю жизнь сделаешься.

- Как каждый из них относится к деньгам? Почему? Почему Челкаш презирает Гаврилу?

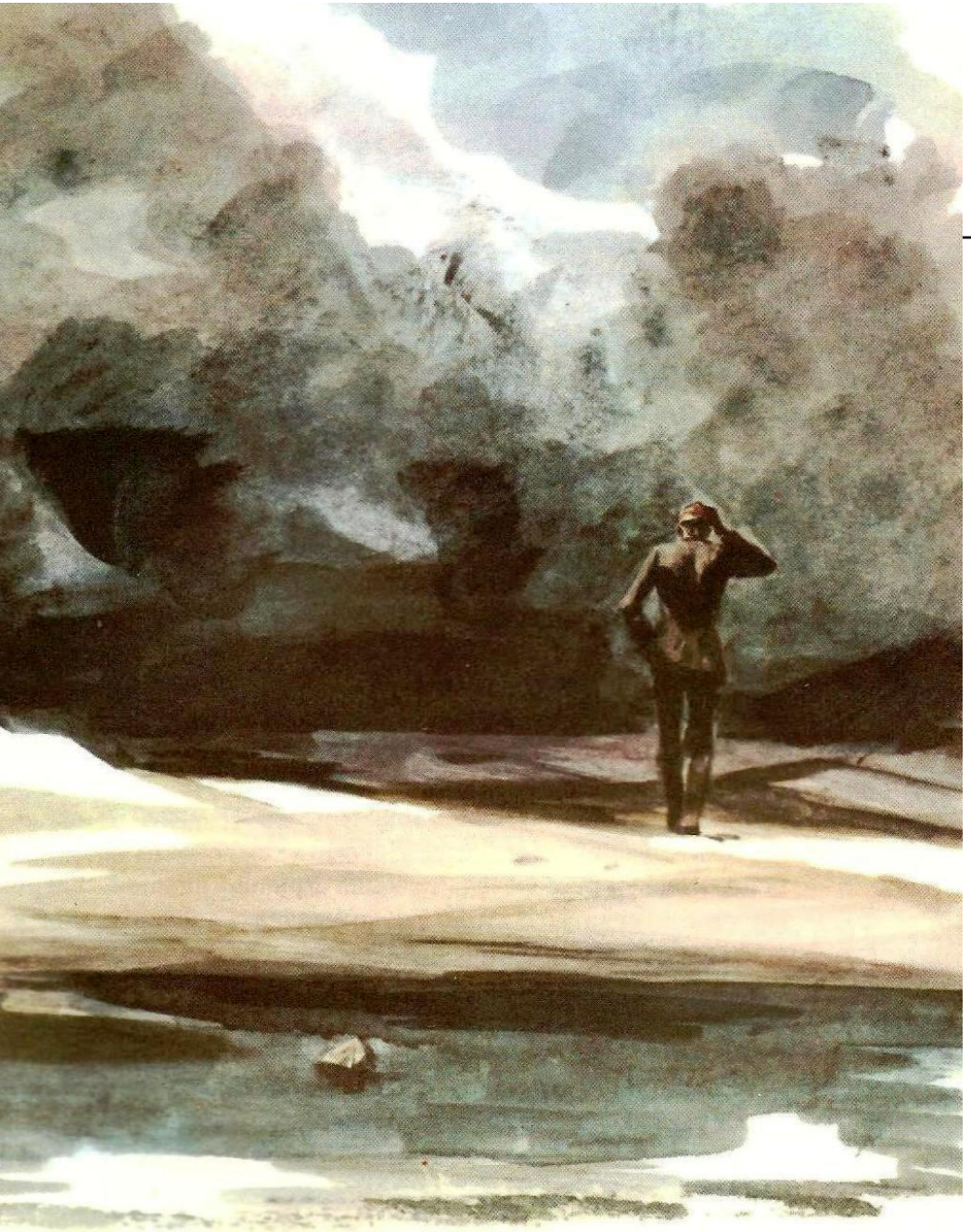
Челкаш слушал его радостные вопли, смотрел на сиявшее, искаженное восторгом жадности лицо и чувствовал, что он - вор, гуляка, оторванный от всего родного - никогда не будет таким жадным, низким, не помнящим себя. Никогда не станет таким!..

- Ведь я что думал? Едем мы сюда... думаю... хвачу я его - тебя - веслом... рраз!.. денежки - себе, его - в море... тебя-то... а? Кто, мол, его хватится? И найдут, не станут допытываться - как да кто. Не такой, мол, он человек, чтоб из-за него шум подымать!.. Ненужный на земле! Кому за него встать?
- Дай сюда деньги!.. - рявкнул Челкаш, хватая Гаврилу за горло...



Гаврила рванулся раз, два, - другая рука Челкаша змеей обвилась вокруг него... Треск разрываемой рубахи - и Гаврила лежал на песке, безумно вытаращив глаза, цапаясь пальцами рук за воздух и взмахивая ногами. Челкаш, прямой, сухой, хищный, зло оскалив зубы, смеялся дробным, едким смехом, и его усы нервно прыгали на угловатом, остром лице. Никогда за всю жизнь его не били так больно, и никогда он не был так озлоблен.

- Бери! бери! Не даром работал! Бери, не бойсь! Не стыдись, что человека чуть не убил! За таких людей, как я, никто не взыщет. Еще спасибо скажут, как узнают. На, бери!



Потом Гаврила снял свой мокрый картуз, перекрестился, посмотрел на деньги, зажатые в ладони, свободно и глубоко вздохнул, спрятал их за пазуху и широкими, твердыми шагами пошел берегом в сторону, противоположную той, где скрылся Челкаш.

В старых учебниках можно прочитать такое рассуждение о героях рассказа:

«М.Горький преимущественно выдвигает на первый план его (Челкаша) свободолюбие, нежелание подчиняться серости, обыкновенности окружающей его жизни. Сознательно избегает автор оценки действий Челкаша с точки зрения норм общепринятой морали. Заставляя любоваться его необузданной, сильной натурой, Горький подчёркивает этим ограниченность мещанского, собственнического идеала, воплощённого в Гавриле».

- Согласны ли вы с такой оценкой?

- Каково ваше отношение к Челкашу и Гавриле?